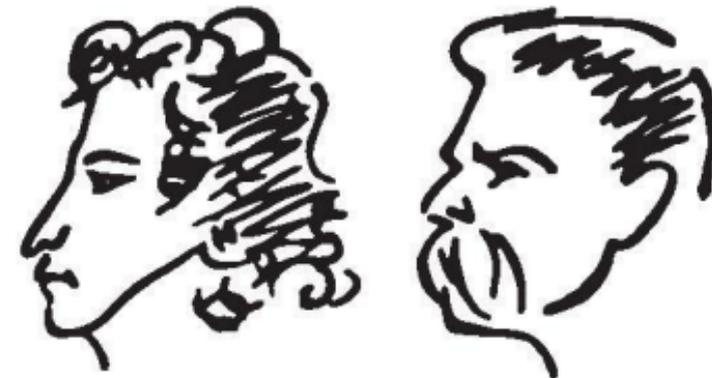

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

www.lgz.ru

Основана в 1830 году
при участии А. С. ПУШКИНА
Издание возобновлено
в 1929 году при поддержке
М. ГОРЬКОГО

№ 18–19 (6552)

18–24 мая 2016 г.

Выходит по средам

ПОЭЗИЯ

Звезда Сумбуле

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

* * *

Где ты,
город, задавленный лавой садов,
с юга пенные горы,
как волны прибора,
много,
много найдётся таких городов,
где за чёрными вишнями
небо рябое.
Где ночами над крышами
месяц-петух
топчет в тёмном гареме
хрустальных хохлаток.
На заре алый гребень
устаало потух,
и орды петушатся,
зовут куропадок.
На асфальте ленивая смуглая тень –
Это ветер насмешливо бродит
под солнцем,
и колышутся тени бетонных стен,
так завистливых блики в бездонных колодцах.
Алмата,
твой ледник обжигает бел,
твой реки щекочут
лавинные горы,
не прощай, Алмата,
если кто-то пропел
раньше нас твоё имя,
моя белогорлая.

ЖАРА

Ах, какая женщина,
Руки раскидав,
Спит под пыльной яблоней,
Чуть журчит вода.
В клевере помятом сытый шмель гудит.
Солнечные пятна бродят по груди.
Вдоль арыка тихо еду я в седле.
Ой, какая женщина! Косы по земле!
В сторону смущённо
Смотрит старый конь.
Солнечные пятна шириной в ладонь...

АРГАМАК

Эй, половецкий край,
Ты табунами славен,
Вон воронье бродят
В ливнях сухой травы.
Дай молодого коня,
Жилы во мне играют,
Я проскачу до края,
Город и степь
Накрена.
Ветер раздует
Пламя
В жаркой крови аргамака,
Травы
сгорят
под нами,
Пыль
И копытный цок.
Твой аргамак узнает,
Что такое
атака,
Бросим
робким
тропам
Грохот копыт в лицо!..

ВОЛЧАТА

Шёл человек.
Шёл степью, долго, долго.
Куда? Зачем?
Нам это не узнать.
В густой лошине он увидел волка,
Верней, волчицу,
А точнее, мать...
Она лежала в зарослях полыни,
Откинув лапы и оскалив пасть.
Из горла перехваченного пыла
Толчками кровь, густая, словно грязь.
Кем? Кем? Волком? Охотничьими псами?
Слепым волчатам это не узнать.
Они, толкаясь и ворча, сосали
Большую неподатливую мать.
Голодные волчата позабыли,
Как властно пахнет в зарослях укроп.
Они, прижавшись к ранам, жадно пили
Густую холодеющую кровь.
С глотками в них входила жажда мести.
Кому?

Любому.
Лишь бы не простить.
И будут мстить
В отдельности,
Не вместе.
А встретятся –
Друг другу будут мстить.
И человек пошёл своей дорогой.
Куда?.. Зачем?..
Нам это не узнать.
Он был волчатник,
Но волчат не тронул,
Ребят уже не защищала мать...

КАРАГАЧ

В низине – осины
негромко растут
Под шорох степной тишины,
Прохладным ручьём тихо годы плывут,
курганом защищены.

Смотри, на кургане, где ветер поёт,
где слышится волчий плач,
вцепившись корнями в сердце моё,
шатаясь, стоит карагач.

В глубоких морщинах коричневый ствол,
В низине – кора гладка,
Там каждый листик водою полн,
Здесь – бьются из-за глотка.

Ломают бури, но он упрям –
Маяк пустынных степей,
Стоит, развернув навстречу ветрам
Плечи чёрных ветвей.

МОЛИТВА БАТЫРА МАМБЕТА ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Бисмиля!
Я в далёких походах забуду себя.
Я в битвах – по году.
В обидах – по горло,
Я родился в седле,
Умираю в цепях,
Меня водят пешком, как собаку, по городу.

Я забуду, как пахнет запаленный конь,
Я забуду в зиндане¹ гортанные кличи, –
Утром тело разрубят и бросят в огонь,
Моё темя забудет былое величье.

Я забуду, как жёны боялись меня,
Я как меч обнажённый,
Но ржа меня режет.
Сердце в горле как яростная змея.

Э, не так!
Моё сердце – оципанный кречет.
Всё забуду.
Молитвы – спасенье своё,
И пожары, и битвы, Аллаха забуду...
Аруах!²
Ясный месяц в пустынях встаёт, –
И уходят в барханы
За самкой верблюды...

И в казахских казанах шипит молоко...
И собаки рвут шкуры друг другу от скуки...
Я в зиндане лежу глубоко-глубоко,
А луна, как лепёшка, мне катится в руки.

¹ Зиндан – яма-тюрьма.

² Аруах – дух-предков.

КОЧЕВЬЕ ПЕРЕД ЗИМОЙ...

Когда расцветёт, сверкая,
Звезда Сумбуле,
Косяки кобылиц
Отдадут своё белое молоко,
Тонко-длинные гуси над степью моей
пролетят,

И печально-печально в ночи прокричат
Мои бедные, белые гуси.
Это значит – трава постарела
на пастбищах.
Поднимайся, кипчак...
Пусть умрёт у меня на руках,
Сверкая, звезда Сумбуле.

ОН БОРМОЧЕТ СТИХИ

Слова – медленный блик человеческого поступка,
Высоту, глубину и цвета извергает язык.
Повторятся в словах и глоток,

И удар,
И улыбка,
Стук копыт через век
И наклон виноградной лозы.
Эту чёрную ночь
Я опять принимаю в сообщницы.
В эту ночь я услышал неясный луны монолог,
А на красный язык,
Как на свет,
Пробирается ощупью
И полощется в горле
Белого слова клок.
Я сейчас закричу,
Я нашёл!
Я хочу его выставить!
Пусть луна продолжает на тенях
Судьбу гадать.
Этот матовый свет,
Будто вспышка далёкого выстрела,
Обнажает лицо,
Опаляя меня на года.
Не нуждаюсь в пощаде глупцов,
Не покорствуя мудрым.
Слово бродит в степи,
Чтоб нечаянно встретить меня.
...Он бормочет стихи. Так молитву читают курды.
На скуластом лице отсвет медленного огня.

НОЧЬ СВЕРШЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ

Ночь.
Тепло.
На ковриках шепчут старики.
Месяц бровь приподнял,
Словно в удивлении.
Камни на стремнине
Бешеной реки
День и ночь свершают
Обряды омовенья.
Люди Аллаху приносят
Дозволенные желанья,
Люди настойчиво просят
Свершенья ночных молитв,
Немного земного счастья
Вымалывают мусульмане,
В ночь Лейля-ули-кадр
Свет над землёю пролит.
Пыль поредела на тротуарах,
Как борода.
Люди шагают.
Саманные стены мечети молчат.
Дети проходят мимо мечети,
Словно года.
В дряхлой руке минарета –
Гнутая тень меча.
Шёлком чалмы развитой
белеет в траве арык,
Яблони моют корни
в седой воде,
В ночь Лейля-ули-кадр
Я, как старик,
По бетонным коврам площадей
Брожу и шепчу о тебе,
Да свершится моё желанье!

ПОСЛЕДНИЕ МЫСЛИ МАХАМБЕТА, УМИРАЮЩЕГО НА БЕРЕГУ УРАЛА ОТ РАНЫ

Мне удивительно: когда я весел,
что ни потребуется – все дают,
когда захочется унылых песен,
мне их с великой радостью поют.
Бываю рад, и все –
бывают рады,
я убогу, и все за мной в кусты.
Когда в жару я вижу дно Урала,
мне кажется, что все моря пусты.

И потому, когда кочевье выманит
всё моё племя, –
я один пашу,
когда никто не смеет слова вымолвить,
мне рот завяжут –
я стихи пишу.
Эх, если бы сказали мне:
«Великий,
прости людей, уже пора – простить,
мир будет счастлив
от твоей улыбки!»

Тогда бы я старался не грустить.
Сказали бы смущённые мужчины:
«Моря полны водой, пока Урал
не высохнет.
Пока ты жив, мы – живы...»
Тогда бы я, клянусь, не умирал.